

CLARISSE SABARD

Un air d'éternité

Roman

Belles

CHARLESTON

Кларисса Сабар И время остановилось

Роман

Перевод с французского

BELLES LETTRES

Москва, 2025

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
С12

Переводчик РИММА ГЕНКИНА
Редактор ЕКАТЕРИНА ИВАНКЕВИЧ

Сабар К.

С12 И время остановилось [роман] / Кларисса Сабар ; Пер. с фр. — М. : Альпина Паблишер, 2025. — 518 с.

ISBN 9785961492910

Во французском Берри, краю замков и зеленых полей с богатой многовековой историей, молодая переводчица Лиза отправляется по следам таинственной незнакомки из прошлого. Она узнаёт, что юная Аурелия, перед которой были открыты все двери, вдруг оказалась вовлечена в круговорот драматических событий Второй мировой войны, изменивших историю ее страны и ее саму. Вчитываясь в страницы старого дневника, Лиза начинает подозревать, что произошедшее с автором строк может быть как-то связано с останками немецкого солдата, недавно обнаруженными в их городке. В поисках ключей к разгадке она проживает свою уникальную историю.

В этом романе о семейных и исторических связях Кларисса Сабар мастерски запечатлевает удивительное свойство времени: оно неумолимо лететь вперед, то застывать, подчиняясь силе любви.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

© 2023, Éditions Charleston, 76 boulevard Pasteur,
75015 Paris — France
Published by arrangement
with Lester Agency & Associates

© Фотография на обложке. Joanna Czogala /
Arcangel Images

ISBN 978-5-9614-9291-0 (рус.)
ISBN 978-2-36812-954-8 (фр.)

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2025

*Моему отцу, сумевшему передать мне свою
любовь к Берри, нашей родной земле*

*Тем бесконечно мужественным
героиням и героям, часто безымянным,
что боролись за нашу свободу*

Никогда не знаешь, что готовит тебе прошлое.

Франсуаза Саган

*Жизнь можно понять, лишь оглядываясь назад;
но жить надо, только устремляясь вперед*.*

Люсинда Райли. Сестра Солнца

* Перевод Зинаиды Красневской.

Пролог

Долина Неккара, Германия, 1931 г.

Поежившись на заднем сиденье автомобиля, Мари плотнее запахнула полы длинного широкого пальто с меховым воротником и бросила тревожный взгляд в окно. В этот холодный октябрьский вечер температура наверняка была не выше шести градусов. Ночь окончательно завладела темным молчаливым лесом. В бледных лучах луны, наполовину скрытой пеленой облаков, кроны деревьев выглядели зловеще.

— Включить бы фонарик... — прошептала она, прикоснувшись кончиками пальцев к хромированному металлу своего «Уандера».

Сидевшая впереди на пассажирском месте Ариэль резко обернулась. В полутьме ее густые кудрявые волосы казались плотной массой, облепившей лицо.

— Ни в коем случае! — отрезала она. — Было же ясно сказано: не использовать фонари без крайней необходимости.

— Может, и так, но мне неспокойно... Мы ждем уже больше двадцати минут. А вдруг их схватили? Что мы тогда будем делать?

Она содрогнулась. Хотя все пятеро мужчин прошли хорошую подготовку, предстоящая им операция была невероятно опасной.

— Полагаю, что станем придерживаться изначального плана, — невозмутимо отозвалась Ариэль. — Инструкции вполне однозначны: если они не вернутся через сорок пять минут, мы должны уехать.

— И бросить их на произвол судьбы? А Доминик? Вдруг что-то случится...

— Твой отец весьма изобретателен, я не вижу причин для беспокойства.

У молодой женщины затряслись руки. Она пригладила свои светлые волосы, пытаясь немного прийти в себя. Послушать Ариэль, так все кажется простым и продуманным до мелочей! Однако малейшая оплошность могла их погубить. Ей не следовало соглашаться на участие отца в этом рискованном деле. Возможно, было бы разумнее просто смириться.

— Рольф способен на худшее, — в отчаянии продолжила она.

Рольф. Имя предательства и унижения. Она больше не могла произносить его, не ощутив привкуса яда во рту.

У Ариэль вырвался сухой смешок.

— А вот об этом, дорогуша, тебе следовало подумать раньше. Видишь, к чему приводит непослушание родителю.

Эти слова задели Мари, но она молча проглотила горькую пилюлю. Она совершила ужасную глупость, позволив женатому мужчине соблазнить себя, и осознание этого

было мучительным. Сколько раз она ускользала от бдительного отцовского надзора, чтобы встретиться с Рольфом. Убаюканная красивыми словами и обещаниями будущего, она ничего не заметила. Как она могла заподозрить, что и он, и его жена окажутся бессовестными монстрами, заранее разработавшими свой жестокий план?

Выпрямившись, она сглотнула слюну и сдавленно пробормотала:

— А вы что, никогда не совершали ошибок, Ариэль?

Собеседница снова обернулась и некоторое время смотрела на Мари. Ее взгляд смягчился, в уголках губ мелькнула тень чуть печальной улыбки.

— Конечно, совершала... Целую кучу, если уж хочешь знать, особенно в любви.

Она замолчала, погружившись в свои мысли. Мари невольно задумалась: что же связывало ее отца с Ариэль? По всей видимости, их отношения выходили за рамки шпионских операций по заданию французской разведки. Шпионские операции... Подумать только, еще неделю назад она и понятия не имела об этих делах! Потребовался настоящий катаклизм, чтобы она узнала: ее отец не просто знаменитый шансонье. Он была потрясена. Впрочем, это многое объясняло — например, годовое турне по Германии, в то время как парижские сцены неистовствовали, требуя возвращения Леандра Моро.

Внезапно из леса донесся протяжный вопль, заставивший обеих подскочить.

— О Господи... — простонала Мари, хватаясь за сердце.

Ариэль развернулась к ветровому стеклу и всмотрелась в темноту.

— Это всего лишь сова, — засмеялась она, глядя в небо. — Должно быть, ее потревожил какой-то шум... Не удивлюсь, если парни скоро будут здесь.

И действительно, через пару секунд они увидели, как несколько фигур появились на той же тропинке, по которой перед этим ушли. Они шагали очень быстро, почти переходя на бег. В центре, бережно прижимая к груди сверток, шел отец Мари. Она облегченно выдохнула: у них получилось!

Мари торопливо открыла дверцу, чтобы он мог сесть в машину, в то время как Ариэль скользнула за руль, готовая стартовать. Четверо остальных забрались в другой автомобиль, припаркованный рядом.

— Поехали! — бросил Леандр, усаживаясь рядом с дочерью.

Та первым делом перевела взгляд своих голубых глаз на завернутого в толстое одеяло младенца, которого ее отец держал на коленях. Ребенок был поразительно неподвижен. Она тихонько погладила пальцем его лобик.

— Доминик... — прошептала Мари.

— Ну же, ты ведь знаешь, что впредь не должна производить это имя. Не забывай об опасности.

— Легко сказать...

Леандр вздохнул.

— Милая, мне так больно, что тебе пришлось столько перенести. Я жалею, что не оставил тебя в Париже, где ничего подобного бы не случилось... Но нужно жить дальше.

Чувствуя, как подступают слезы, молодая женщина отвернулась к окну: там царила непроглядная ночь, сквозь которую стремительно мчался их автомобиль, унося ее к началу новой жизни. Где-то во французской деревеньке ее ждет место учительницы. В конце концов это, возможно, не так уж плохо — учить детей.

— Ты в порядке, дорогуша? — спросила Ариэль, бросив на нее озабоченный взгляд в зеркало заднего вида.

Мари медленно кивнула и невольно уступила непреодолимому искушению посмотреть на младенца, матерью которого уже никогда не будет. Шипы, терзающие сердце, вонзились еще глубже, но она не могла заставить себя отвести взгляд, запечатлевая в памяти мельчайшие черты ангельского личика и представляя, как бы они могли день за днем жить вместе. Рольф не только украл у нее ребенка, он отобрал у нее всю жизнь без остатка. Она сглотнула и снова повернулась к отцу.

— Ты их... убил?

Еще один встревоженный взгляд Ариэль. Леандр покачал головой.

— Нет, это не представлялось возможным. Рольф — видный член нацистской партии, мерзавцы преследовали бы нас до упора. Но, поверь, мы отбили у этой парочки желание попробовать еще раз.

Разумеется, Рольф был жесток и расчетлив, но прежде всего он заботился о собственной военной карьере. А его жена, убежденная, что нацисты рано или поздно придут к власти в Германии, из кожи вон лезла, чтобы помочь ему

продвигать свои пешки на шахматной доске власти. Чета Карлингеров не рискнет оказаться в центре скандала, который может разрушить их честолюбивые замыслы. Однако никакая предосторожность не была лишней, вот почему Леандр принял решение, имевшее столь серьезные последствия. Оно далось ему нелегко, ведь он разбивал сердце дочери, но этот вариант все же был предпочтительнее любого другого.

— Ты никому не должна ничего рассказывать, — добавил он. — Ни в коем случае.

— Я и не собиралась.

Он сочувственно сжал ее руку.

— Я знаю. Помни, что тебе всего девятнадцать, твоя жизнь еще не окончена. Дом удобный, мы с твоей сестрой будем приезжать так часто, как только сможем. Нужно найти в себе силы, но я верю в тебя, Мари.

Стиснув зубы, молодая женщина коротко кивнула. Ей понадобится время, но она сумеет преодолеть страх, горе и несправедливость. Она научится жить с этой скорбью, которую ей запрещено называть по имени. И молиться — да, молиться, чтобы Рольфа испепелили все молнии ада.

И твердым голосом она пообещала:

— Да, я буду сильной.

Лиза, 2018 г.

— Ну что? Это серьезно?

Я сглотнула, услышав, как сдавленно прозвучал мой голос. Доктор Белланже, наш семейный врач, снял тонометр с руки моего дедушки Лулу и поднял голову, глядя на меня поверх очков. Непроницаемое выражение его лица отнюдь не умерило моей тревоги. Я прекрасно понимала, что Лулу уже не молод.

— Просто вазовагальный обморок, связанный со стрессом и переутомлением, — заверил врач со спокойной улыбкой. — Немного отдыха, и все придет в норму.

У меня вырвался глубокий вздох облегчения.

— Уф! Признаюсь, я здорово перепугалась.

Дедушка, явно забавляясь тем, что неожиданно оказался в центре внимания, попытался пошутить:

— Я же говорил, что сегодня на тот свет не собираюсь! Спасибо за сахар с мятной настойкой, — добавил он, глянув на Аннетт, которая была рядом, когда он упал в обморок.

Пожилая дама отпустила край стола, в который вцепилась, и принялась отчитывать Лулу:

— Ах ты паршивец, надо же было нагнать на нас такого страху! Если б твое сердце остановилось, моя мятная настойка уж точно не запустила бы его заново.

Врач с теплотой посмотрел на нее.

— Не стоит так переживать, мадам Лекомт, наш Луи — тот еще крепкий орешек. И его сердце прекрасно себя чувствует.

Несмотря на эти успокаивающие слова, дедушка все еще казался мне слишком бледным.

— Может, пойдешь наверх и приляжешь? — предложила я, положив руку ему на плечо.

— Вот еще! — возразил он. — Чашечка хорошего кофе, и полный порядок, верно, док?

Врач хмыкнул.

— Во всяком случае, вреда не будет, давление у вас немного пониженное. Поберегите себя, сейчас неподходящий момент бегать стометровку.

— Посмотрел бы я на того, кто попробует меня обогнать! — парировал дед.

Осмотр был окончен, и я проводила доктора Белланже в прихожую.

— Спасибо, что заглянули. Рада, что с ним все в порядке.

На пороге врач остановился и повернулся ко мне.

— Кстати, Лиза, я хотел сказать тебе пару слов.

У меня екнуло сердце. Похоже, сердечный приступ грозит уже мне.

— Да?..

Должно быть, я побелела как полотно, потому что он поспешил меня успокоить:

— Не беспокойся, сам по себе такой обморок не опасен. Но он мог неудачно упасть. Хорошо, что Аннетт оказалась рядом.

— Понятно. Вы думаете, подобное может повториться?

— Видишь ли, я боюсь, что он немного перегружен из-за ремонтных работ в доме.

— И что сделать, чтобы ему помочь?

— Может, пригласишь его к себе на время ремонта?

Я чуть не задохнулась.

— Ко мне?! Вы ведь его знаете, он в жизни не согласится оставить свой дом, он же до смерти боится стать обузой!

— Я знаю, Лиза. Но не думаю, что ему больше понравится пребывание в больнице, где он окажется, если упадет и получит травму. Скажи себе, что нет худа без добра.

Я поморщилась.

— Ладно, предложить-то я предложу, но результата не обещаю... Дед становится настоящим львом, когда сердится.

Доктор Белланже снова издал короткий смешок.

— Тогда держись! И не стесняйся звонить мне, если этому льву понадобится хорошая взбучка.

С мрачным видом я вернулась на кухню, где суетилась Аннетт, готовившая кофе. Вот что поможет дедушке лучше воспринять новость. Я достала с верхней полки чашки и поставила их на скатерти с узором из лимонов. Лулу, восседавший во главе стола, сверлил меня взглядом из-под кустистых бровей, напоминающих двух толстых гусениц. Его массивное лицо немного порозовело, и, если бы не единственная

непослушная прядь, выбившаяся из зачесанных назад седых волос, которая упала ему на лоб, подрагивая в такт дыханию, никто и не подумал бы, что у него только что случился обморок.

— Что-то ты притихла, — заметил он.

— Я все думаю о ремонте. Наверное, он займет некоторое время.

— Ну да, большую часть лета, — посетовал он. — Мой дом стареет быстрее, чем я.

На это я могла только кивнуть. Даже если не ходить дальше кухни, можно было заметить, что краска облупилась, потолок весь испещрен мелкими трещинами, а водопроводные трубы протекали самым чудовищным образом и в самый неподходящий момент. В этом не было ничего удивительного, поскольку дом построили не вчера: еще в конце девятнадцатого века его велел возвести у речного брода один богатый промышленник, пожелавший обзавестись загородной резиденцией. Согласно семейной легенде, дед Лулу, сын простого крестьянина, в детстве часто проходил мимо и был совершенно очарован этим изящным буржуазным особняком. В своих фантазиях он представлял, как однажды будет там жить. Ценой упорного тяжелого труда он смог осуществить свою детскую мечту, выкупив дом после смерти первого владельца накануне Первой мировой войны. Увы, в нашей семье дом останется ненадолго — дед решил продать его на условиях пожизненной ренты. Он хотел завещать его мне, но я отказалась, не чувствуя в себе достаточно сил, чтобы поддерживать

в нормальном состоянии такое большое и старое здание. Конечно, это решение далось мне нелегко — я питала истинную привязанность к этому особнячку, где проводила в детстве каждое лето, но у меня уже был собственный дом. К тому же, хоть я и обеспечивала себе вполне комфортную жизнь благодаря переводам художественной литературы, я не могла позволить себе подобной роскоши.

В то же время нельзя было допустить, чтобы дедушка угробил здесь здоровье. Собрав все мужество, я воспользовалась моментом, когда Аннетт разливала кофе по чашкам, чтобы затронуть эту деликатную тему.

— Нам нужно поговорить, Лулу. Это может тебе не понравиться, но вопрос серьезный.

Рука Аннетт замерла.

— Наверное, мне лучше уйти, — предложила она, явно почувствовав себя не в своей тарелке.

— О нет, останься. Мне наверняка понадобится союзница.

В этом деле мне была нужна именно такая помощница, как Ненетт — так мой дед называл свою подругу детства. Эта пухленькая женщина ростом чуть выше полутора метров выглядела как классическая бабуля с лучистыми морщинами в уголках глаз, появившимися с годами от частых улыбок, но она была отнюдь не из тех, кто позволил бы собой помыкать, скорее уж наоборот. Она никогда не была замужем, сама в одиночку возилась со своим стареньким «Пежо-104», упрямо отказываясь сменить его на какую-нибудь более современную модель, питала многолетнюю

слабость к Яннику Ноа*, дымила как паровоз, несмотря на свой почтенный возраст, и, по последним сведениям, даже хлопнула дверь клуба для старшего поколения (серьезного заведения!), потому что директриса посмела закрыть творческую мастерскую по четвергам, отдав предпочтение скрэбл. Она не боялась ничего и никого.

— Ну, как скажешь, — заинтригованно согласилась она.

Лулу опустил кусочек сахара в кофе, бросив на меня подозрительный взгляд. Я еще и слова не сказала, а он уже ошетинился, как еж. Пожалуй, лучше выложить все сразу.

— Доктор Белланже считает, что тебе стоит уехать из дома на время ремонта.

Дед тут же прекратил помешивать кофе.

— С какой стати? — мгновенно взвился он. — Потолок мне вроде на голову пока не падает.

— Не в том дело...

— А в чем тогда? — не сдавался он, решительно скрестив руки на груди.

Пытаясь выгадать несколько секунд, чтобы придумать аргументы поубедительней, я сделала глоток и чуть не выплюнула его обратно; кофе у Аннетт был на редкость мерзким и настолько крепким, что и мертвого бы поднял.

— Хм-м... Ты же знаешь, ремонт — дело до крайности шумное, а это может быстро довести до стресса. Не говоря

* Янник Ноа (род. 1960) — французский поп-соул певец и теннисист. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

уж о постоянно снующих туда-сюда рабочих; вроде как уже не чувствуешь себя дома, верно?

Он недоверчиво фыркнул.

— Странно, мне док почему-то ничего такого не говорил.

— Потому что за те тридцать лет, что он следит за твоим здоровьем, док прекрасно понял, какой ты старый упрямец! — воскликнула Аннетт, закуривая «Мальборо». — А я считаю, что он прав, никому неохота каждое утро наткаться на тебя, валяющегося всеми четырьмя копытами кверху.

— Это была просто минутная дурнота, не стоит делать из мухи слона.

Его беспечный вид заставил меня закатить глаза.

— Если бы Ненетт не оказалась рядом, все могло бы кончиться куда печальней — надеюсь, ты и сам это понимаешь. Кстати, а что именно произошло?

Когда Аннетт около десяти утра позвонила мне, сообщив, что дед только что потерял сознание, я так переполошилась, что бросила трубку и помчалась сюда, не задав ни одного вопроса.

— Сам не знаю, — пробормотал он, уставившись в чашку. — Мне стало жарко, голова закружилась, ну и вот...

— Он был в зимнем саду, перекладывал коробки перед началом ремонта, — вмешалась Аннетт. — Я принесла варенье из красной смородины и нашла его там. Едва успела поздороваться, как он отключился. Словно его удар хватил.

Дед бросил на нее косой взгляд, но возражать не стал. Я воспользовалась этим, чтобы поднажать:

— Вот видишь, доктор не ошибся. Слишком много возни на тебя свалилось, стоит сбавить обороты.

— Да что ж такое, не успеешь постареть, как тебя уже хоронят! — заворчал он. — Ты же не запихнешь меня в одну из этих богаделен, где только смерти ждать, а? Я свою халупу люблю. Может, она и ветхая, зато у нее есть свой характер, как и у меня.

Я положила ладонь ему на запястье.

— Это же только на время, Лулу. И потом, мне не кажется, что мой дом похож на богадельню, «где только смерти ждать».

Тихий ангел пролетел. Морщины на лбу бабушки немного разгладились, когда до него дошел смысл моих слов.

— погоди, ты хочешь, чтобы я переехал к тебе?

— Я подумала, что это хороший компромисс. Мой дом всего в десяти минутах отсюда, так что сможешь приглядывать за ремонтом, если у тебя возникнет такое желание. Что скажешь?

Не до конца убежденный, он попробовал возразить:

— Хм... Но ты вовсе не обязана это делать. На кой черт тебе вешать себе на шею престарелого деда?

— Или так, или я силой отволоку тебя к себе, — отрубила Аннетт. — Хотя с малышом Тимом тебе было бы куда веселее.

Стоило упомянуть моего сына, которому скоро исполнится десять лет, как лицо Лулу преобразилось. Его голубые глаза заблестели. Эти двое прекрасно ладили, разделяя страсть к бутербродам с паштетом на полдник и к прогулкам по берегу реки.

— Не уверен, что ему так уж понравится, если я буду постоянно торчать у него перед глазами, — все-таки заметил он.

Пришлось выложить последний козырь, который, как я надеялась, ему было нечем крыть:

— Ты уже столько времени обещаешь поучить его садоводству... Мои грядки в плачевном состоянии, сам знаешь. Без тебя мне их никак не довести до ума.

И это было истинной правдой. Я ни на гран не унаследовала «зеленую руку»* дедушки, к великому разочарованию Тима, мечтавшего выращивать собственные фрукты и овощи. Каждый раз мои попытки оказывались тщетными.

— А как же Полин? — спросил Лулу. — Разве она не может тебе помочь?

Упоминание подруги, жившей по соседству, вызвало у меня улыбку. Полин часто подшучивала надо мной из-за неудач с огородом, утверждая, что я способна угробить даже искусственное растение, если им обзаведусь.

— У Полин минуты свободной нет, Лулу. Она и так любезно делится со мной овощами, не могу же я просить ее еще и возиться с моими грядками.

— Ладно, — наконец капитулировал он, — похоже, у меня просто нет выбора. Если я и правда смогу заняться садом и огородом, то от меня по крайней мере хоть какой-то толк будет.

* Выражение *avoir la main verte* (дословно «иметь зеленую руку») употребляется во французском языке в отношении человека, у которого хорошо растут комнатные или культурные растения. — *Прим. ред.*

Успокоенная Аннетт обняла нас и отправилась к себе. Я предложила дедушке не тянуть и прямо сейчас собрать чемодан.

— Работы начинаются только в четверг, некуда спешить, — для проформы забрюзжал он.

— Ты в любой момент можешь передумать, я же тебя знаю. Лучше представь, как обрадуется Тим, когда тебя увидит!

— А ты умеешь настоять на своем, — засмеялся он.

Я улыбаюсь в ответ.

— Интересно, в кого это я пошла... Хочешь, поднимусь вместе с тобой и помогу собраться?

— Вот еще! — притворно оскорбился он. — Я еще не совсем лежащая развалина!

Уверенной рукой он ухватился за кованые перила лестницы и стал подниматься по ступеням. Я провожала его взглядом и, когда он скрылся из виду, не смогла сдержать тяжелого вздоха, думая о том, что его хорошее настроение может быстро улетучиться, как только он обнаружит, что его ждет.

Надо было ему сказать...

Нет, сейчас неподходящий момент, чтобы подливать масло в огонь, пусть сначала дедушка полностью придет в себя. Еще раз вздохнув, я прошла через гостиную и оказалась в зимнем саду со старомодной верандой и витражными окнами, сквозь которые утреннее солнце отбрасывало на пол яркие цветные пятна. В детстве я обожала забиться в одно из стоящих здесь старинных плетеных кресел с книжкой Энид Блайтон из серии «Великолепная пятерка». После

смерти бабушки, сгоревшей от лейкемии в год, когда мне исполнилось четырнадцать, Лулу использовал помещение в основном для хранения своих бумаг. Сейчас у книжного шкафа выстроились в ряд коробки, которых я не видела, когда была здесь в последний раз. Я сразу узнала почерк бабушки в небрежных надписях, нанесенных красным маркером на каждую коробку: «Одежда Николь» (моей бабушки), «Книги», «Вещи Сесиль» (моей мамы). Зачем ему понадобилось складывать все это именно тут, ведь это помещение — одно из главных достоинств дома? Деталь, про которую не стоит забывать, начиная искать потенциальных покупателей. Впрочем, до этого момента еще далеко. Работы непотчатый край: обои с розочками в английском стиле целыми полотнищами отклеивались от стен, оконные рамы прогнили. Мой взгляд упал на газету *La Nouvelle République*, небрежно брошенную на одну из коробок. Наклонившись, я заметила, что номер сегодняшний. Странно. Лулу, конечно, не фанат порядка, но и не из тех, кто разбрасывает вещи где попало. Я уже собралась отнести газету на кухню, когда мое внимание привлек один из заголовков: «Шатийон: На строительной площадке обнаружены человеческие останки».

Название нашего городка, насчитывающего всего две с половиной тысячи жителей, нечасто попадало на первые полосы, так что я поспешила прочесть статью. В ней говорилось, что скелет был найден на выезде из города, в поле, где собирались строить социальное жилье. По словам журналиста, экскаватор извлек на свет Божий «лоскуты грязно-серой одежды» и военный жетон, «совершенно проржавевший

и наполовину сломанный, дающий основания полагать, что эти останки принадлежат немецкому солдату времен Второй мировой войны».

— Чем ты тут занимаешься?

Поглощенная чтением, я вздрогнула и резко обернулась.

— Лулу! Ты уже спустился?

— Я тебя звал два раза, но ты не отвечала. Уж решил, что ты ушла.

— Прости, не слышала. Все хорошо?

— Да, просто чемодан никак не закрывался. Но все уже в порядке, я справился.

— Ясно. Слушай, а что здесь делают эти коробки? Я думала, все это хранится на чердаке.

Дедушка почесал макушку.

— Да нет, все лежало по комнатам. Отдам-ка я это в благотворительный фонд, а то только место занимает, — добавил он, отводя взгляд. — Ну что, идем?

Я понимала, как ему, должно быть, тяжело избавляться от этих частичек прошлого. Каждый предмет одежды, каждая пластинка, каждая вещь, которую он решил отдать, будили в нем воспоминания о счастливых днях, когда жена была жива, а дочь еще разговаривала с ним. Его обморок, похоже, был неслучаен.

Я свернула газету, которую все еще держала в руках, и протянула ему.

— Вот, держи, я нашла ее на коробках.

— А, да, спасибо. Видимо, я забыл ее здесь со всем этим утренним переполохом.

Чувствовал он себя явно не в своей тарелке.

— Ничего страшного, не переживай. Видел статью про найденный скелет? Подумать только!

— Да, пробежал глазами.

— Интересно, удастся ли опознать этого солдата. Больше семидесяти лет прошло, обалдеть!

— Да они и морочиться не будут с поисками. Личный номер не разобрать, судя по статье.

— Жаль, у этого человека наверняка была семья... Его потомки вправе знать, что с ним случилось, разве нет?

Дедушка пренебрежительно пожал плечами.

— Это всего лишь бош*, — пробормотал он. — Таких, как он, было пруд пруди.

Его голос звучал сухо, и я почувствовала, что дед раздражен. Мне следовало помнить, что Лулу не желает иметь ничего общего с тем, что связано с его детством. Запретная тема, которой он никогда не касался. В тех редких случаях, когда она всплывала в разговоре, в его взгляде мелькала тень, и я понимала, что лучше обсудить что-то другое. Бабушка как-то обмолвилась, что он потерял близких во время войны и его это до сих пор мучает. И все. Никто так и не удостоился посвятить меня в детали, а спрашивать я не решалась. Может, это и пробудило во мне интерес к прошлому. Желание собрать воедино фрагменты собственной истории,

* Бош (фр. boche) — презрительное наименование немцев во Франции, появившееся в эпоху Франко-прусской войны 1870–1871 годов и возвращавшееся в обиход во времена последующих франко-германских военных конфликтов. — *Прим. ред.*

пролить свет на ее тайны. Романы, которые я перевожу, в основном исторические, и их действие часто происходит в первой половине двадцатого века. Это не совпадение.

— Ну что, поехали? — поторопил меня он. — Мне бы хотелось немного отдохнуть.

— Конечно, идем. — Я взяла его чемодан и отнесла в машину, пока он запирает дверь.

Прежде чем сесть в мой «Фольксваген-жук» цвета синий металлик, Лулу взял меня за руку.

— Знаешь, я ворчу, но на самом деле мне в радость перебраться к тебе.

— Разумеется, я знаю, — улыбнулась я.

— У тебя золотое сердце, Лиза. Это семейное.

Моя улыбка дрогнула.

— Мы тебя будем всячески ублажать, вот увидишь.

— Даже не сомневаюсь.

Я уселась за руль, чувствуя себя отвратительной лгуньей, недостойной того слепого доверия, которое он мне оказывает. *Ну почему я ему все не рассказала, ведь хватило бы трех-четырех правильно подобранных слов?* Я оказалась не в силах произнести их. Я боялась, что он расстроится или рассердится, узнав, что моя мать — его дочь, с которой он уже много лет в ссоре, — наконец возвращается в лоно семьи и тоже собирается побыть у меня.

Оставалось меньше сорока восьми часов, чтобы набраться духу ему это сказать.

— Притормози, ты нас угробишь! — воскликнул Лулу, вцепившись в ручку над стеклом, когда я свернула на узкую извилистую дорогу, ведущую к моему дому. Рывки и ухабы заставляли нас трястись, как на заправском ралли, зато вдоль обочины по обеим сторонам выстроились величественные ясени, сплетавшиеся летом в изумительный зеленый свод.

Глянув на спидометр, я не удержалась, чтобы его не подколоть:

— Расслабься, я и до семидесяти километров в час не дотянула! Кстати, напомни, не тебя ли когда-то остановили за серьезное превышение скорости на этой самой дороге?

— Так ведь ты уже рожала! Вот и пришлось давить на газ, чтобы доставить тебя в роддом. И все закончилось совсем неплохо. Мне даже штраф простили...

— Ага, в обмен на хорошую бутылочку! Ладно, можешь выдохнуть, приехали, — сказала я, увидев, как впереди показались очертания домика с зелеными ставнями.

На самом деле это старая ферма, к которой примыкают две другие жилые постройки. Одну из них занимает моя подруга Полин со своим парнем Мехди. Третью купила

супружеская пара пенсионеров из Парижа, которых мы видим только летом, когда они приезжают насладиться тишиной и покоем нашей глубинки. Чтобы добраться до этого уголка Берри, все еще хранящего свой нетронутый вид, следовало, свернув с автострады, проехать через живописные деревушки с названиями вроде Гупийер, Гишонри, Ренери или же — любимое название моего сына — Петоньер. Наша называется Оазис — из-за ручья, петляющего через лес, который начинается на краю нашего участка и простирается дальше за луга. По легенде, раньше там в полнолуние собирались ведьмы под охраной волков, чтобы творить свои заклятия, укрывшись в густом кустарнике и зарослях папоротника. Некоторые старики до сих пор верят в них и побаиваются этих мест. Лично я никогда не встречалась ни с волками, ни с ведьмами и ни на что не променяю этот тихий уголок, пусть мне хоть луну с неба посулят.

Впрочем, я не всегда жила здесь. Проведя детство в Туре, я уехала учиться в Анже на факультете иностранных языков. Через несколько месяцев на какой-то вечеринке встретила Бастьена, студента мединститута. Он сразу привлек меня своими темными кудрями, придававшими ему бунтарский вид, и возвышенными гуманистическими идеалами. После трех лет спокойных отношений Бастьену захотелось перейти на следующий уровень. Он решил, что нам следует вместе снимать квартиру и пожениться, как только мы закончим учебу. Я постоянно уклонялась от разговора на эту тему. Мне казалось, что спешить некуда. Зачем топить события, когда нам и так хорошо? Я была молода.